ФРИДРИХ
НЕЗНАНСКИЙ
Опасное решение
ВОЗВРАЩЕНИЕ ТУРЕЦКОГО

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Опасное решение

«Автор»

2009

Незнанский Ф. Е.

Опасное решение / Ф. Е. Незнанский — «Автор», 2009 — (Возвращение Турецкого)

По странному стечению обстоятельств Турецкий вынужден вернуться к расследованию преступлений в Астраханской области. На его пути возникают непреодолимые препятствия. Чтобы предотвратить трагедию, Александр Борисович находит опасное, но единственно возможное решение.

© Незнанский Ф. Е., 2009
© Автор, 2009

Содержание

Пролог 5
Глава первая 8
Глава вторая 20
Глава третья 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Фридрих Незнанский
Опасное решение

В основе книги – подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Пролог
Из недавнего прошлого

Одного из пассажиров московского рейса в астраханском аэропорту встречали трое: генерал милиции в форме, красивая, полная женщина, щеки которой, очевидно от волнения, алели спелыми яблоками, и другая женщина, светловолосая, невысокая и стройная, будто рано повзрослевшая школьница, все время смущенно улыбавшаяся. Наконец, появился он, начинающий незаметно седеть, коротко стриженный блондин высокого роста, одетый в дорогой спортивный костюм и с такой же модной сумкой через плечо. Судя по его поведению, решительному и независимому, в этой сумке и заключался весь его багаж.

Реакция участников встречавшей «команды» была разная. Полная женщина, как и большинство традиционных казачек, жгучая брюнетка страстного южного типа, с девичьей непосредственностью кинулась мужчине на шею и повисла на нем, что, впрочем, не застало его врасплох, и он сумел сохранить мужское достоинство, даже не покачнувшись от внушительной тяжести. Ее смущенная подруга мяла в руках платочек и смотрела на целующихся с нетерпеливым ожиданием и опаской. Ну а генерал, наблюдая за раскованным поведением своей темпераментной сестрицы, снисходительно улыбался и, сняв фуражку, стирал широкой ладонью пот с высокого лба истинного провинциального мыслителя. На открытом поле аэродрома было слишком жарко, могли бы и в помещении аэропорта подождать, но нетерпеливые женщины умолили его выйти на летное поле, почти к трапу московского «борта».

Александр Борисович, артистично демонстрируя свой восторг, с наигранным стоном «запечатлел» окончательный поцелуй на щеке Дуси, аккуратно снял с плеч ее руки и, подмигнув ей и продолжая обнимать одной рукой, другую протянул в сторону ее подруги:

– Зинуля, ну же! – и, как бы принимая женщину под свое «крыло», немедленно прижал и ее к себе, целуя совсем уже без фокусов, как целуют женщину, с которой был близок, не боясь при этом осуждения от посторонних. Впрочем, назвать генерала посторонним можно было лишь с большой натяжкой. Что и продемонстрировал таким вот образом Александр Борисович Турецкий.

– Здравствуйте, Алексей Кириллович, очень рад с вами познакомиться. В прошлый приезд, к сожалению, не удалось. Славка наговорил мне о вас столько хорошего, что я уж, грешным делом, подумал, будто он хочет к вам подлизаться, а сам тем временем умыкнуть вашу замечательную сестричку.

Продолжая крепко обнимать обеих женщин, Турецкий сделал шаг навстречу генералу и протянул ему руку, смешно при этом скособочившись. А тот, ухмыльнувшись, решительно протянул свою крепкую, крестьянскую ладонь. «Силен, – подумал Александр, – ну, да и мы не из слабаков».

– Вот в этой связи спешу доложить «высокому собранию» о том, что грандиозная операция по капитальному ремонту Грязновской квартиры усилиями всего трудового контингента

охранно-разыскного агентства «Глория» благополучно завершена, хотя, скажу вам, это была та еще эпопея!

Генерал Привалов шутливо изобразил аплодисменты, на что Турецкий, отпустив женщин, повторил его жест. И оба расхохотались.

– Однако, – Александр поднял указательный палец, – как вы понимаете, теперь встал во всей своей полноте… – откинув голову, он со значением и даже с причмоком окинул взглядом соблазнительную фигуру Дуси. – Короче, встал другой, куда более серьезный вопрос: требуется в срочном порядке заполнить пространство трехкомнатной, будем говорить откровенно, гостеприимной генеральской квартиры. Докладываю честно: у нас были самые различные предложения на сей счет, но Грязнов, со свойственным ему самомнением, категорически отмел все и заявил официальным тоном, что лучше Дусеньки… Вам, как главному руководителю областной милиции, надеюсь, известна такая женщина? – Турецкий уставился на Привалова и, дождавшись его ухмылки и кивка, закончил мысль: – Так вот, лучше ее, мол, этого не сделает никто. Ну, как я могу прокомментировать? Из его довольно путаных объяснений мы поняли одно: раз уж ей там жить, стало быть, ей и решать. В принципе это вполне логично. Но теперь появился, будем говорить прямо, основной вопрос к самой Дусеньке: ее-то мнением он поинтересовался? Или это сугубо генеральская Славкина самодеятельность?

Но Дуся только сияла глазами, наполняющимися слезами.

– Так, мне кажется, и эта проблема готова отпасть, как… – Александр на миг задумался и, сохраняя полную серьезность, закончил: – Как предмет последней надежды сифилитика…

Все буквально задохнулись от хохота. Генерал качался, сгибаясь в поясе, Дуся, сотрясаясь, обеими руками вытирала слезы, а Зина просто рыдала, уткнувшись лицом Турецкому под мышку. Уж кому, как не ей, медсестре, была понятна шутка любимого Саши.

– Значит, и этот вопрос тоже ясен. – Александр переждал приступ смеха и продолжил: – Тогда я, обладая чрезвычайными полномочиями, обязан лично проследить за тем, чтобы Евдокия Григорьевна, захватив с собой то крайне необходимое, без чего не сможет протекать в нормальном режиме ее дальнейшая жизнь в качестве генеральской супруги, так мы, во всяком случае, поняли у себя в «Глории», села в самолет, осуществляющий воздушные перевозки в Москву. Я понятно выражаю свои скомканные душевным волнением мысли?

– Уж куда понятнее! – Привалов восхищенно развел руками. – Но только я…

– Секундочку, господин генерал! Хочу мысль закончить, чтоб не забыть. Таким образом, у нас вырисовывается следующая картина. Провожает даму один генерал, в самолет ее сажает другой, а встречает третий. Сразу три генерала – на одну даму? Это, скажу вам, по-моему, не самый худший вариант подхода к будущей семейной жизни. Или у вас иное мнение?

Но Привалов только отмахивался.

– Да, и, наконец, ответ на ваш незаданный вопрос. Вот что просил Славка передать известной нам даме. Послание, разумеется, личное, но, надеюсь, она разрешит нам сунуть в него носы? Не любопытства ради, а исключительно для общей информации?

Он передал Дусе незапечатанный конверт, и та дрожащими пальцами взяла его, достала записку Грязнова, развернула и стала читать вслух, откидывая назад голову и словно смахивая с глаз слезы.

«Дусенька, убедительная просьба к тебе: Саня обо всем расскажет, а ты помоги ему, пожалуйста, с проживанием. По моей договоренности с Алешей, он должен провести там у вас серьезное расследование, – письмо Кати Нефедовой не дает нам всем покоя. Лучше, конечно, если бы он остановился у тебя дома, поскольку тот все равно теперь будет пустовать. Если какие-нибудь твои родственники им не заинтересуются. Ты бы ему тогда просто оставила свои ключи, а он поможет тебе добраться до аэропорта и посадит в самолет на Москву. А я встречу тебя уже здесь.

Я очень соскучился и хочу поскорее увидеться. Если ты, конечно, не забыла еще одного старого и толстого отставного генерала и встреча с ним у тебя не вызовет резкого протеста. Только перед отлетом обязательно расскажи ему о тех людях, с которыми ты знакомила меня и которые могли бы выдать максимально полную информацию по делам об убийствах в Ивановской.

Еще лучше будет, если успеешь познакомить Саню с ними, все-таки твоя рекомендация поможет ему наладить контакты. Я тебе потом все объясню, когда ты прилетишь. Сказал бы, что обнимаю, да только на расстоянии ты этого не почувствуешь, а для меня особенно важны именно эти твои ощущения.

Ну, жду с нетерпением, Слава.

Горячий привет Леше, теперь ты – хозяйка, приглашай его к нам в гости, будем всегда рады. В.Г.»

Она передала записку брату, чтоб тот убедился, что все написанное – правда, и пока тот разбирал сквозь очки своеобразный Славкин почерк, Саня наклонил голову к Зине:

– Ну вот, видишь теперь, а ты не верила… Золушка.

– Прилетел, не обманул, – выдохнула в ответ она и прижалась к нему. Взглянула вверх: – Ты такой светлый, радостный… как будто Бог спустился на землю…

– Скажешь тоже…

Турецкий никому не поверил бы, если бы ему сказали, что он может так смутиться…

Вечером того же дня, выйдя на воздух из дома, где они в тесной компании с Алексеем и Зиной устроили предварительные проводы Дуси в Москву, Турецкий достал телефонную трубку и позвонил Грязнову.

– Славка, – начал он вместо приветствия и сообщения, что долетел благополучно и его встретили, – ты не можешь себе представить, как она плакала. Мне безумно хотелось ее пожалеть, но я, честно говорю, испугался, как бы мое желание утешить не переросло в нечто, куда более нахальное с моей стороны. Остановило присутствие Зины и генерала, а то так бы и остался ты с носом. Давно не встречал такого откровенного проявления душевной боли, надежды и счастья – одновременно. Искренне завидую, старина. Не пугай больше женщину… А с моими доводами, что у них тут произошла судебная ошибка, Алексей как-то неожиданно легко согласился… Не знаю, может, и слишком легко, и даже отреагировал спокойно и по-деловому. Я удивился, думал, он начнет возражать и защищать местную Фемиду. Впрочем, ты знаешь, я – Фома неверующий и на сладкие слюнки вместо натуральной карамельки не сильно реагирую. Посмотрим. И вместе с тем появилась вдруг такая нелепая мысль: слушай, неужели мы с тобой, Славка, в самом деле еще что-то можем? Короче, старина, как мы когда-то докладывали нашему высокому начальству в недавнем прошлом, я приступаю к расследованию!..

Глава первая
Начнем сначала…

Эйфория первого дня продержалась недолго.

Турецкий уже знал о тех событиях почти годичной давности, которые произошли, говоря языком прошлого, в Ивановской волости, Замотаевского уезда, Астраханской губернии. Прошлое-то возвращается потихоньку, неизвестно, правда, зачем, но отчего же и не отдать ему дань былого уважения? Все бы неплохо, наверное, да только никогда не было в том прошлом такого, чтобы сразу четыре убийства повесили на невиновного человека, осудили его, а затем пересмотрели решение, и из всех убийств оставили-таки одно, в котором по-прежнему ни у кого не было твердой уверенности. Всякая юстиция бывала в разные времена, и коррупция, и взяточничество – тоже, но никогда прежде не было, чтобы человека именно с поразительной легкостью обвиняли, а чуть позже с такой же легкостью оправдывали, но не полностью. Надо же было все-таки убрать его с глаз подальше и тем «закрыть вопрос»! Нельзя демонстрировать широкой публике, что вся правоохранительная и судебная системы нового демократического общества не оправдывают даже тех невеликих зарплат, которыми их обеспечивает государство, и поэтому ищут для себя иные источники доходов! Абсурд! Наоборот, говорят скептики: какое общество, таковы и защитники его, таков и суд.

Отдыхавший здесь, в станице Ивановской, директор «Глории» отставной генерал милиции Грязнов принял тогда активное участие в расследовании фактически четырех уголовных дел и предоставил начальнику ГУВД области Алексею Привалову доказательства того, что обвинения против невиновного человека были инспирированы. Сфальсифицированы, другими словами. И все вроде бы стало на свои места. Но в Москву, в «Глорию», прислала слезное письмо гражданская жена осужденного-таки Антона Калужкина, в приговоре которому апелляционная инстанция районного суда сняла три откровенно нелепых обвинения, оставив четвертое, и на этом основании суд определил ему меру наказания в виде лишения свободы сроком на 12 лет строгого режима. То есть, иначе говоря, правоохранители и прокуратура, вкупе с судом, добились-таки своего, как гласит русская поговорка, пусть не мытьем, так катаньем.

И при этом никто – ни Грязнов, ни свидетели – жители станицы, так и не поняли, почему в качестве «козла отпущения» властью был избран именно Антон? Хоть убей, не понимали. Вот и прилетел Александр Борисович, имея в кармане скудные гроши, ибо требовать с Кати Нефедовой, умолявшей о помощи, какие-либо средства на проведение дополнительного расследования было делом пустым и безнадежным. Кое-что «наскребло» агентство – уже из чувства протеста против откровенно творящейся несправедливости. Но главным образом и Грязнов, и Турецкий очень рассчитывали на помощь ГУВД, коим руководил двоюродный брат Дуси, начальник областной милиции генерал Привалов. Да, рассчитывали…

Но уже два дня спустя, когда проводили Дусю в Москву и Турецкий попытался договориться с Приваловым о деловой беседе, генерал повел себя на удивление индифферентно, и это после такой радостной встречи в аэропорту! Звучали его оправдания примерно так: «Оно бы, мол, конечно, да, однако, с другой стороны, видите ли, Александр Борисович, существуют, к сожалению, некоторые обстоятельства, которые, в свою очередь…» – и так далее. Называется это, как в известном анекдоте об «умном» старшине, – «уклончивым ответом». А ведь мог бы и спасибо сказать, поскольку явно сбывалась его затаенная мечта – выйти в родственники Вячеславу Ивановичу, а скорее, вероятно, воспользоваться в дальнейшем его немалыми московскими связями. Нехорошо получалось, и Александр Борисович это увидел почти сразу, как ни скрывал теперь Привалов своего недовольства вторичным вмешательством москвичей в сугубо провинциальное дело, в гораздо большей степени касавшееся именно его «епархии».

Ведь как раз милиция и следственные органы и «заварили» эту «кашу», и должны были, в конечном счете, ответить за свои бесчинства. Впрочем, к самой Дусе все эти события не имели ни малейшего отношения.

Нет, категорически не понравился генерал Привалов при второй их встрече Александру Борисовичу. И показное его радушие – в первую очередь. Об этом стоило бы, вообще-то, «перекинуться» со Славкой, но Турецкий понимал, что и тот сейчас в эйфории, поскольку Дусенька, выполнив его просьбу и проведя Саню по всем соседям, с которыми уже однажды разговаривал Грязнов, благополучно отбыла в Москву, имея при себе минимум багажа, как и просил ее жених.

Итак, Привалов вместе с Турецким проводили Евдокию Григорьевну в аэропорт, и Алексей Кириллович немедленно поспешил, сославшись на какую-то свою особую, экстренную занятость, «закруглить» возникший было разговор о том расследовании, ради которого и прибыл сюда московский сыщик. Вид у него сразу стал сугубо деловым, «начальственным», что не должно было оставлять никаких сомнений в его «государственной занятости». А Турецкий с его проблемами вполне мог обойтись и сам. Именно это дано было понять Александру Борисовичу отказом Алексея Кирилловича в ближайшие дни принять у себя сыщика для подробного и серьезного разговора. Единственной помощью, которую тот действительно оказал, был звонок кому-то в областной суд с просьбой посодействовать Турецкому в его ознакомлении с последним обвинительным заключением по делу Антона Калужкина. Причем попросил Привалов как бы о личном одолжении. Очень «любил» всегда «благодеяния» такого рода Александр Борисович и оценил помощь.

После такого, почти бесцеремонного, можно сказать, «отлупа» Турецкий уже видел, что с дальнейшими просьбами относительно помощи с транспортом и прочими необходимыми в любом расследовании надобностями обращаться к Привалову – дело бесполезное, точнее, бессмысленное. Ну что ж, и это – не впервой… Власть никогда не помогала в подобных расследованиях, ибо чаще всего именно ее «уши» торчали в нарочито и грамотно запутанных ситуациях. И это означало, что теперь Александру Борисовичу придется самому, не опираясь и не ссылаясь на прежние наработки и знакомства Грязнова, заняться делом Калужкина с самого начала, практически с нуля. И это – тоже не новость. Взялся, как говорится, так уж не жалуйся на обстоятельства. Но, хотя Турецкий мог бы с абсолютно чистой совестью послать всех станичников с их заботами и болями куда-нибудь подальше и закрыть свою частную «лавочку благодеяний», наперед зная, что ни перед кем ответа ему держать не придется, даже перед Всевышним, он прекрасно понимал, что никогда этого не сделает. Прежде не мог, не сумеет и сейчас, просто совести не хватит. Оно, конечно, неприятно сознавать, что ты – дурак, которого фактически подставили в заранее обреченном расследовании, но и иного выхода для утешения своего самолюбия он тоже не находил. Одни только умоляющие и верящие в его силу и убежденность глаза Зины, не говоря уже о Кате Нефедовой с ее сынишкой, чего стоили! Как после этого смотреть-то в них?

Нет, разумеется, можно было бы и не смотреть, а просто сесть в ближайший самолет и послать всех к определенной матери, но и это не выход для самооправдания. Значит, залихватское «я приступаю к расследованию» все еще имеет место быть, по выражению записного бюрократа.

Но с Грязновым он все-таки созвонился, чтобы поставить того в известность о том, что «друг Алеша» оказался очередной и, к сожалению, самой типичной милицейской сукой. Это – на всякий случай, чтобы у Славки, который, естественно, очень расстроился, в дальнейшем неожиданно не возникло ненужных иллюзий. Ну а Дуся, разумеется, была здесь ни при чем, – что ее просили, то она сделала быстро и с охотой. Очевидно, родственные отношения с генералом ее также никоим образом не касались. А может, и тяготили, кто знает. И такое бывает в жизни…

Что ж, сначала так сначала… Турецкий совершил формальный акт: взял у Катерины Сергеевны Нефедовой заявление на имя директора «Глории» В.И. Грязнова с просьбой провести объективное расследование обстоятельств преступления, за которое безвинно осужден ее гражданский муж Калужкин Антон Сергеевич. Вопрос о сумме гонорара не поднимался. Сделал это Турецкий отчасти и с той целью, чтобы душу больше не мучили сомнения: стоит – не стоит? Стоит, раз взялся…

А еще в день прилета Александр Борисович с помощью того же Привалова нашел в Астрахани фирму проката автомобилей и взял там за свои кровные подержанную «тойоту» серебристо-серого цвета, как уверял его менеджер, в отличном состоянии.

После оглашения приговора прикрепленный к осужденному адвокат Петровичев буквально в последний день отведенного ему уголовно-процессуальным кодексом срока обжалования решения суда принес протест в апелляционном порядке. После ряда следственных действий уже городской суд, рассмотрев дело Калужкина, снял три эпизода, оставив в силе четвертый – обвинение в убийстве участкового уполномоченного майора милиции Грибанова. И приговорил к 12 годам строгого режима. И вот после этого адвокат внес протест уже в кассационном порядке в Судебную коллегию областного суда, и исполнение приговора снова временно приостановилось. Вероятно, и в последнем случае также еще «сработало» личное общение Грязнова с Приваловым и обещание последнего, данное им Вячеславу накануне возращения Грязнова из Астрахани в Москву. С этого и начнем, сказал себе Турецкий.

Явившись с утра пораньше в суд, он попытался добиться встречи с судьей, которая вела процесс, Эллой Серафимовной Санаевой, но ему ответили, что в течение ближайшей недели он не может рассчитывать на беседу, слишком много работы, а вот на будущей неделе… ему обязательно сообщат о такой возможности.

С судом ясно, все было сработано грамотно. Значит, придется обращаться в прокуратуру, где должны быть копии обвинительных заключений. А если начнется очередная тягомотина, тут уже потребуется включить в действие напор и энергию Кости Меркулова, заместителя генерального прокурора. Но Турецкий надеялся, что до этого не дойдет, он и сам еще мог оставаться в памяти руководства прокуратуры как недавний, относительно, конечно, первый помощник генерального прокурора. Да и на удостоверении была его фотография того времени, когда он носил мундир государственного советника юстиции третьего класса.

Вмешательства «высоких сил» не потребовалось. Ему удалось без особого труда получить разрешение на ознакомление с необходимыми материалами, находившимися в архиве прокуратуры. Отправившись туда, Александр Борисович собирался внимательно ознакомиться с обвинительным заключением и сделать для себя все необходимые выписки и пометки. А затем попытаться вернуться к тому, самому первому обвинительному заключению, в котором Калужкину инкриминировались целых четыре убийства. Турецкого интересовали метаморфозы, которые произошли в апелляционной инстанции, оставившей из четырех только одно преступление. Была ведь какая-то причина? Вот в ней и следовало разобраться: по какому принципу обвинения снимались? Это же не просто так, практически во всех эпизодах фигурировали похожие улики. Но где-то они суд не устроили, а в Грибановском деле – устроили, так получалось? «Теньденсия!» – как говорится в известном анекдоте про наблюдательного чукчу.

Между прочим, Турецкий сразу понял, что в архиве ему повезло, он познакомился – так уж невольно получилось! – с очаровательной женщиной из этой «конторы», как он всегда непочтительно называл учреждение, в котором провел практически всю свою трудовую жизнь, достигнув при этом немалых высот и чинов. Людой звали кокетливую… Девушку?.. Дамочку?.. Причем самого заманчивого для опытного мужчины возраста – по его прикидкам, что-то между двадцатью пятью и тридцатью годами, но не задавать же жарко дышащей красотке столь невежливый и бестактный вопрос! Впрочем, «дышала» она, вполне возможно, и

по причине довольно-таки тяжелой атмосферы в помещении, где пыль и духота составляли вреднейший из всех возможных коктейль.

Внимательный к женщинам, Александр Борисович отметил также, что в гораздо большей степени ее занимал не пристальный интерес москвича к уголовному делу, по которому уже вынесен приговор, а его собственное присутствие в подведомственном ей помещении, где она чувствовала себя хозяйкой. Люда ведь, как и он, знала о том, что исполнение приговора временно приостановлено, в связи с кассационной жалобой адвоката. И потому она не совсем понимала, зачем нужно было копаться в обвинении симпатичному мужчине, который поглядывал на нее и с нежным сочувствием, от которого что-то разливалось в животе, и с явно недвусмысленным любопытством. А уж чем кончается такое любопытство, ей было известно лучше, чем кому-либо другому. И она немедленно приготовилась ему помогать, как только он попросит об этом, а что обязательно попросит, она нюхом чувствовала. Причем помогать собралась исключительно по личной инициативе. На служебную необходимость в этом вопросе начальство ей не указывало.

Из нескольких случайных реплик, каждая из которых сама по себе, казалось бы, не несла никакой серьезной информации, Александр Борисович без труда выяснил, что эта стройная шатенка с очаровательной и, вероятно, модной здесь скобкой волос, а также полной грудью, которую она носила словно высокую правительственную награду, то есть с откровенным вызовом и гордостью, проживала в настоящий момент одна. Родители ее, сотрудники областной прокуратуры, уехали в подмосковный санаторий: отец – подлечить сердце, а мать – проследить за ним и не давать воли. И дочь их оказалась, таким образом, почти на целый месяц предоставлена сама себе. Ну и немного службе, поскольку летом суета в архиве прокуратуры несколько замирает. Опять же и напарница, пожилая тетенька Варвара Лавровна – существо доверчивое, тихое и на протест неспособное, ее и попросить об одолжении нетрудно, она всегда подменит.

Люда чем-то очень напомнила Турецкому Алевтину, Альку – не менее привлекательную дочь генерала из Минобороны, исполнявшую в «Глории» должность секретаря. Люда показалась ему такой же раскованной, правда, может быть, излишне смелой, но твердо уверенной в том, что ей должно принадлежать решительно все, на что падает ее взор. Что ж, это обычные в наше время издержки воспитания.

Вручая Турецкому папку с обвинительным заключением, она с таким интересом стала его разглядывать почти в упор, что Александр Борисович, несмотря на свою годами отработанную реакцию в подобных ситуациях, ощутил минутную слабинку. Но, тем не менее, привычно послав девушке в ответ вместе с легкой усмешкой понимающий взгляд, он подумал так: если уж на то пошло и правоохранительная власть, вкупе с судебной, не собирается ему помогать в установлении истины и справедливости, тогда он имеет все основания для того, чтоб хотя бы немного «насолить» этой власти, «застолбив», как говорится, прямо здесь, в ее анналах, свое временное присутствие.

Нет, конечно, у этой маленькой, но очень приятной мести было и одно неудобство, точнее, неловкость. И называлась эта «неловкость» Зиной. Однако милая женщина находилась в нескольких часах езды от Астрахани, и вряд ли бы кто-то специально задался целью донести до нее очередную сплетню об астраханских похождениях Саши. Тем более что сам Александр Борисович сообщать ей о своей прирожденной «мстительности» вовсе не собирался. К тому же у него был и еще один важный повод быстро и действенно завоевать расположение незамужней, как опять-таки легко выяснилось, Люды: он хотел бы не довольствоваться Славкиным пересказом, а самостоятельно прочитать первое обвинительное заключение, чтобы провести сравнительный анализ логических выводов местных следственных и судебных органов. А добыть те материалы в данный момент он смог бы с помощью той же Люды, у которой, как ему показалось, личные интересы и амбиции определенно превалировали над служебными. И,

значит, стоило рискнуть, не спрашивая снова разрешения в секретариате: выйдет – не выйдет, к тому же отмщение уже само по себе довольно-таки сладкая штука.

Когда Александр Борисович закончил делать выписки по последнему приговору, а летний зной на улице достиг своего максимума и мало приспособленное к подобным погодным условиям помещение архива стало сравнимо с банной парилкой весьма непрезентабельного уровня, вот тогда единственной формой спасения могли стать лишь подходящие домашние условия, желательно с холодным, освежающим душем. В шутку высказанное предположение вызвало внезапный и вполне доброжелательный отклик со стороны сотрудницы архива, также изнывающей от зноя и, очевидно, еще и от неутоленных желаний. Оказалось, кстати, что спасение могло бы состояться в непосредственной близости от данного госучреждения, стоило лишь перебежать через раскаленную улицу вон в тот большой жилой дом с тенистым двором, укутанным кронами столетних, наверное, акаций. Да к тому же и обеденный перерыв был совсем уже близок. А где, между прочим, собрался провести его Александр Борисович? Но как же изумилась девушка, услышав, что он даже не удосужился узнать, где здесь можно пообедать! Разумеется, жарко, однако жара не является поводом для «зверского издевательства» над собственным драгоценным организмом! И тут же поторопилась добавить, что, по ее убеждению, есть масса способов поправить пошатнувшееся здоровье, к примеру, хорошей окрошкой с ледяным квасом из холодильника! Или мороженым – на десерт, с рюмочкой… хм, да, можно и хорошего коньячка – по контрасту: одно опаляет душу, а другое ее тут же охлаждает. Ох, да ну что вы, какие заботы! А, с другой стороны, куда нам без них, понятное дело, но ведь надо же и о себе иногда думать… Какое еще дело? Ах, он имеет в виду то, годичной давности? Он собирается идти и просить в секретариате новое разрешение на ознакомление с документами? Делать больше нечего? Господи, да какое там еще разрешение для хорошего человека?! Кому оно требуется? Ей, что ли?.. Вот юмор!.. Ну, конечно, гораздо разумней и полезней знакомиться с обвинительными заключениями именно в домашних условиях! Сию минуту!..

Люда не любила бросать слов даже на ветер, который мог бы принести и прохладу. Она смылась куда-то в глубь помещения, и Александр Борисович услышал голоса – Люды и другой женщины. Из отдельных реплик он понял, что молодая сотрудница срочно нуждается в перерыве своей служебной деятельности. Кажется, договоренность была быстро достигнута, поскольку появилась сияющая Люда и с удовольствием потерла ладошки одну о другую, как это делают в случае нечаянной удачи. И вот уже пухлое обвинительное заключение преспокойно улеглось в подходящую для схожих случаев папку, а папка уютно устроилась под мышкой у сразу взбодрившейся сотрудницы архива. После этого Турецкий, чтобы не привлекать к своей персоне ненужного внимания охраны, первым покинул ставшее вдруг таким гостеприимным здание. Оставлять у входа в здание прокуратуры взятую в прокате «тойоту» необходимости не было, и Александр Борисович, опустив все стекла, ибо в машине дышать было нечем, проехал немного вперед.

Увидев вышедшую из подъезда Люду, которая стала нетерпеливо оглядываться, он махнул ей рукой, и та, ловко и кокетливо перебирая очаровательными ножками в насквозь просвечивающем коротком платьице, что, естественно, немедленно взволновало Турецкого, бодро подбежала к машине. Как же это он сразу-то не углядел там такое изящество?! Ну да, он же документы обвинения изучал, да и свет в помещении был «сиротский», как, очевидно, во всех в мире архивах.

– Садитесь, Людочка, – с ласковым вздохом пригласил он, – не мучить же на такой жаре ваши восхитительные ножки, которые, по моему твердому убеждению, не могут вызвать у мужчины, понимающего в них толк, ничего, кроме искреннего почтения и обожания! – «Во, как оторвал! – подумал с юмором. – Кажется, девочка скушала». – И покажите, как нам удобнее подъехать к вашему дому? Сейчас, мне кажется, лучше даже не очень хорошо ехать, чем замечательно ходить по этому пеклу, верно?

По красноречивому взгляду девушки, а также по элегантно выставленным на обозрение, очень приличным не только на вид, но, вероятно, и на ощупь, обнаженным и загорелым коленкам он понял, что глубоко прав в своем «изящном» предположении. Немедленно выплыла из памяти фраза-анекдот о водителе автобуса, глядящем в зеркальце заднего обзора: «Девушка, прикройте, пожалуйста, коленки, вы заслоняете мне дорогу!» Ответом Александру Борисовичу был искренний смех, мгновенно устранивший ненужные условности.

– А если так? – воскликнула со смехом Люда, обнажая отличные загорелые ножки почти до трусиков. Имея в виду, что она тут же охотно и подтвердила Турецкому, только что рассказанный им анекдот.

– Блеск! – с артистичным придыханием, которым он попытался замаскировать естественное напряжение, констатировал Турецкий. – Но только теперь и я, как водитель того несчастного автобуса, тоже ничего не вижу… кроме…

– Кроме чего? – настаивала игривая девушка, потягиваясь всем телом и медленно раздвигая и сдвигая такие непослушные коленки, что у Александра Борисовича вдруг потемнело в глазах и он даже замотал головой, словно прогоняя опасное для себя видение.

– Господи, да не испытывайте же меня! – простонал он с восторгом. – Если вы еще желаете живой и, главное, целой-целехонькой добраться до противоположной стороны улицы…

– Ага, так я и послушалась! – злорадно заявила она, вперяя в него рыжие и горящие сладким бесстыдством тигриные глаза. – А вы что же, считаете себя опытным механиком? Умеете разбирать объект вашего пристального внимания на запасные части? Или только хвастаетесь своим мастерством?

А это уже был не намек, а приглашение, на которое и следовало соответственно отреагировать. Турецкий всем корпусом повернулся к ней, несколько раз глубоко вздохнул, расширяя ноздри, и сдавленным голосом, с придыханием громко прошептал:

– Все, я пропал окончательно!..

Тронувшаяся было машина сама осторожно прижалась к бортику. Александр Борисович, на всякий случай бросив пытливый и несколько вороватый взгляд на пустынный тротуар и улицу вокруг них, со страстным выдохом рухнул и прижался губами к бархатной, почти шоколадной коже ее бедра. Запечатленный поцелуй немедленно возымел действие. Теперь уже слабым голосом охнула она, словно окончательно покорившись своей неизбежной судьбе, и жадно прижала его голову острыми коготками прекрасной хищницы к вздрагивающей от нетерпения, сильной, оказывается, и очень нервной ноге. Но он с трудом, словно преодолевая сопротивление ее рук, оторвался, поднял осоловевший взгляд и сообщил, что боится теперь просто не дотянуть до пристани спасения. А в ее жадных глазах полыхало торжество. Оно и понятно: целых полдня старалась, а с его стороны – ну, никакого впечатления! Ишь ты, каков москвич! Да еще в генеральской форме на фото в удостоверении. Людочка была сильна в вопросах субординации и понимала, что просто так, ради собственного интереса, никто заниматься «копеечным» делом не станет. Значит, все с этим Калужкиным не так просто. Впрочем, ей-то что за дело? Куда интереснее для Людочки был теперь отставной, но относительно молодой, а как только что она выяснила, еще и вполне «жизнеспособный» генерал, которого ей так и хотелось нечаянно назвать Сашенькой, чтобы затем быстро привыкнуть к этому ласкающему, будто любовный шепоток, имени. И она была твердо уверена, что все шло к тому… И Сашенька – уже в пределах осязания, и шепоток – на волне сладкой слышимости. Оставались лишь мелкие детали, которые легко устранялись с помощью последующих активных и решительных действий обеих сторон. В домашних условиях, где же еще!..

Господи, да какой там теперь обед! Пребывая уже больше недели в домашнем одиночестве, Люда перестала заправлять свою постель, считая, что любые усилия, затраченные ради наведения порядка, излишни. И теперь, ухватив гостя за руку, она быстро, почти торопливо, протащила его за собой по коридору прохладной квартиры с работающими кондиционерами.

Привычно, или, скорее, профессионально, выхватывая взглядом отдельные предметы обстановки, чтобы составить себе впечатление о семье Людмилы, Турецкий отмечал, что мебель здесь старинная, может быть, даже фамильная, передающаяся по наследству. Видывал он подобные громоздкие буфеты с наборными стеклами на дверцах и мраморными досками, на которых, наверное, удобно было хлеб резать. А еще – эти глубокие кресла с бархатной зеленой обивкой, стулья с высокими спинками и столы на резных ножках. Но чаще встречал такие гарнитуры в мебельных комиссионках – раньше, когда их было в Москве много. Разглядывал, словно в музее, не очень представляя себе, как можно жить среди таких памятников «высокой старины». Очевидно, и характеры, и поведение людей в такой обстановке должны быть медлительными и достойными, чуждыми стремительным, как любили говорить тогда, веяниям века. И здесь, похоже, время тоже немного приостановилось.

Но девушка не собиралась давать ему время на всякие бесплодные философские размышления, она почти втолкнула его в свою комнату, и глаза Турецкого сразу уперлись в постель, а девушка, перехватив его красноречивый взгляд, медленно «провела» и свой взгляд по его фигуре сверху донизу и на миг замерла – на середине. Напрягся и Турецкий. И через короткое мгновенье их неуправляемые руки почти одновременно отшвырнули в сторону его брюки и ее платье, а следом туда же полетело и белье. Сильной борцовской хваткой сжав ее тело, он приподнял девушку и, опрокидывая ее на постель, успел заметить, как взметнулись ее шоколадные ноги и мертвым узлом замерли на его спине. Давно не помнил Турецкий подобной, почти дикой, первозданной страсти. Он лишь услышал, как в глубине ее груди возник и начал нарастать низкий стон. Тело ее энергично изгибалось из стороны в сторону, пятки неистово колотили по спине. И, наконец, резкий последний рывок и страстный вопль указали на то, что все у них было задумано и, что гораздо важнее, исполнено абсолютно правильно и с необузданным чувством взаимного восторга. Распались ноги, разомкнулись раскаленные тела, и на смену ослабевшим рукам хлынули встречные потоки острых и жалящих, почти беспощадных поцелуев, от которых окончательно «поехала крыша»…

Время текло неторопливо, и никакой обед был не нужен. В одну из задыхающихся пауз Людка – она теперь уже так входила в сознание Турецкого – заявила, что служба сегодня может отправляться ко всем чертям, потому что только полный идиот захочет сменить душевный, а также и телесный праздник жизни на глухую и зеленую архивную тоску. А если кому ее взгляды не нравятся, пусть увольняют, только «спасибо» скажет. Александр Борисович не знал еще, что слова об увольнении были обычными и ничего не значащими словами, но коренным образом с нею согласился, ибо уже и сам не желал представлять свое грядущее, пусть и достаточно отдаленное пока, завтрашнее утро без горячей чашечки хорошо заваренного кофе. Оказалось, что и Людкины мысли развиваются в аналогичном направлении. Такое единство мнений следовало немедленно отметить горячей решительностью очередных действий. А позже нашлись и иные, не менее веские причины не прерывать стремительного развития их тесного знакомства, родившегося столь неожиданно для обоих…

В комнате, в которой вдруг сгустилась тьма, не было слышно ничего, кроме тягучих вздохов и быстрого шепота, – ни телефонных звонков, ни автомобильных сигналов снаружи. Александр Борисович удивился: надо же, как прекрасна эта тихая провинция, старательно щадящая нежные чувства даже случайных любовников. Людка с таинственным смешком ответила, что еще при входе в квартиру вырубила городской телефон, а «мобилу» отключила еще в машине. Все предусмотрела, умница. Это, чтоб ее не нашли и не оторвали от дела – ни люди, ни бумажки…

А, собственно, обвинительное заключение, ради которого у Турецкого и возникла идея поработать в спокойных домашних условиях, по-прежнему покоилось в папке, которую Людка нечаянно, надо полагать, выронила из рук еще в прихожей. И поднимать ее с пола они не стали, просто не заметили, не до нее было. Да и прерывать ради сомнительного служебного рвения

великолепное общение было глупо, – с этим тезисом однозначно согласились оба. В конце концов, решительно заявила девушка, – не в том смысле, что все еще девица, а в том, что до сих пор незамужняя, – у Сашеньки есть абсолютно все возможности заняться этими дурацкими бумажками завтра утром. С мучительной гримаской человека, обреченного совершить очередной ненавистный ей трудовой подвиг, она сообщила ему, что с утра на службе появиться ей, к сожалению, придется, но она постарается отлучиться туда ненадолго, а затем воспользуется любой подвернувшейся возможностью, чтобы побыстрее вернуться домой. Она считала теперь своей прямой обязанностью и даже в немалой степени престижем продолжить соревнование и, хотя бы приблизительно, ответить на основополагающий вопрос: кто из них двоих окажется в конечном счете выносливей и изобретательней.

Ну, а пока, на данном этапе, пальма первенства была Александром Борисовичем безоговорочно присуждена Людке, о чем он без конца и повторял ей, ибо действительно, ее знания и умение стоили, по его признанию, наивысшей оценки. Девушка торжествовала: всегда ведь приятна «твердая пятерка», проставленная учителем, высоким профессионалом. Именно так она почему-то с самого начала и представляла себе Сашеньку. Жаль, конечно, что желанные уроки будут длиться недолго, но… все в жизни преходяще, придется смириться и с этой неизбежностью.

А вообще-то, было бы неплохо пройтись, к примеру, по Новому Арбату под ручку с таким вот генералом, – ох, сладкие девичьи грезы! Впрочем, кто знает, ничего, как было хорошо известно Людке, нельзя исключить в этой жизни, полной сплошных приятных случайностей и захватывающих недоразумений…

Выпитый до донышка, но не растерявший присутствия духа и ответственности за принятое на себя дело, Александр Борисович заставил себя, едва восхищенная его утренним кофе и нежной обходительностью хозяйка отправилась в «присутствие», приняться за обвинительное заключение. И, к своему крайнему удовольствию, быстро осилил довольно-таки пухлое дело. Да там, собственно, практически ничего нового для него не оказалось, – если иметь в виду подробный разговор еще в Москве с Грязновым, обладавшим, как было широко известно в узких кругах, незаурядной профессиональной памятью. Но восстановить кое-какие эпизоды, тем не менее, было бы весьма полезно. Особенно заключения экспертов. И Турецкому стала в общих чертах понятна политика нового следователя, назначенного для повторного расследования всех четырех убийств, инкриминируемых Калужкину. Он очень грамотно отвел три обвинения, в которых откровенно просматривалась милицейская заинтересованность в скорейшем закрытии своих «висяков». А вот в эпизоде с Грибановым, в котором оставалась определенная неясность, обычно трактуемая в пользу подозреваемого, он поступил, что называется, не по закону, а по понятиям. Либо по подсказке. Следовал вывод, что так было надо. И это обвинение он оставил. А ведь кто-то, да чуть ли не сам Привалов, уверял Славку, что тот следователь – человек глубоко порядочный, что сомнению не подлежит. Что ж, очередное очко не в пользу господина генерала.

Нет, все-таки в этих делах определенно просматривался нечистый местнический интерес вездесущей власти. И Алексей Кириллович, как бы ни уверял Вячеслав Иванович Турецкого в искренности и тоже высокой порядочности Дусиного родственника, помня того по прежним временам, был – по все более усиливающемуся убеждению Александра Борисовича – нечист на руку. Вот только поймать его было непросто, поскольку и сам генерал – тоже наверняка профессионал, и, следовательно, для него никакого секрета не представляет нынешнее отношение к нему приезжего сыщика-москвича. Ради обычного интереса бывшие следователи по раскрытию особо важных преступлений из Генеральной прокуратуры в населенные пункты типа станицы Ивановской не прилетают. Даже и в качестве частных сыщиков. Разве что, как говорится, на полном безрыбье. Вот и палки в колеса он обязательно начнет ставить, несмотря на «твер-

дые обещания», данные им Славке. Но если Турецкий окажется прав и случится именно так, то на вопрос, почему осужден Калужкин, можно будет ответить, когда станет ясна причина личной заинтересованности начальника ГУВД. Короче, cui prodest? – кому выгодно? Вечный вопрос, тревожащий души следователей еще из глубин человечества…

Ну все, пухлое обвинительное заключение можно преспокойно возвращать Людочке – страстной, нетерпеливой, но такой покорной в кратких паузах, – просто удивительная женщина. Турецкий невольно начинал сравнивать ее с Алевтиной и видел, что, пожалуй, Альке следовало бы кое-чему подучиться у провинциальной красотки. А впрочем, каждая хороша по-своему. Но, во всяком случае, если вдруг впоследствии выпадет новая возможность оказаться в этих краях, первым человеком, кого он с наслаждением захочет навестить, будет, конечно, замечательная Людмила, чертова Людка…

Мучила ли его совесть? Пожалуй, нет. Ясно же, что каждому – свое. Замуж за него, как пытались «размечтаться» некоторые нравящиеся ему женщины, она не собиралась. Ее интересовал конкретно мужчина, то есть именно он. И в совершенно определенном плане. Но, может быть, у нее тоже имелись свои «заморочки», свои соображения на будущее? Тогда она определенно о них сказала бы, за долгую ночь у нее было немало поводов шепотком поведать о своих мечтах. Но она отделывалась лишь страстными оценками то его, а то и своих «человеческих» качеств, проявляя при этом недюжинные познания. Надо же, насколько стала в последние годы образованной и оперативно мыслящей былая глухая провинция! А все телевидение помогает настоящему воспитанию да «ихнее» кино!

Людка, как пообещала, явилась два часа спустя, но почему-то запыхавшись, будто бежала. Уставилась вопросительно, как если бы присутствие в квартире Турецкого стало для нее неожиданностью. А он смотрел и ждал продолжения. Непонятное молчание затягивалось.

– Я что-то сделал не так? – наконец спросил он.

– У тебя все так. А у меня… – она помолчала, передохнула и спросила: – Ты прочитал уже?

– Давно. А там ничего нового, ничего такого, о чем я не знал бы, нет. Вот, – он показал на папку с завязанными тесемками. – Я тут просто сидел и ждал тебя, наверное, было бы очень гнусным делом уйти, не дождавшись, да? А вот у тебя, мне кажется, что-то случилось?

– Случилось, – несколько скованным голосом произнесла она. – Скажи правду, тебе очень надо было сунуть нос в это заключение?

– Нет, всего лишь проверить некоторые свои мысли. А что? Кому-то уже не понравился мой интерес? – он усмехнулся, чувствуя, что становится «горячо» и, кажется, разгадка находится где-то совсем близко. Выяснить бы только, откуда подул ветер, уж это Людка должна знать. – Я прав, девочка?

– Вот именно, – она насупилась. – И теперь этот твой интерес может выйти мне боком… Скажи, ты собираешься как-то оперировать фактами из этого заключения?

– Так они же прекрасно всем известны, Людочка, дорогая моя! Ими два месяца назад, еще перед первым судебным заседанием, подробно занимался один опер, которого Привалов выделил в помощники Грязнову, и, кстати, по указанию самого же глубокоуважаемого Алексея Кирилловича. Того, который и мне дал разрешение ознакомиться с последним приговором. А тот опер, Володя Климушкин, он – майор из УСБ, буквально в деталях поведал обо всем моему коллеге, который занимался этими четырьмя делами в начале вашего жаркого лета. К слову, он – давний и большой друг Алексея Кирилловича, директор нашего агентства, тоже генерал милиции. Я – о Вячеславе Ивановиче Грязнове, к слову, и моем давнем друге. А потом, не забывай, что и адвокат, как его, Петровичев, кажется, эту фамилию называл мне Славка, тщательно изучил все эпизоды насквозь, именно и по нашим, так сказать, наработкам. Все эти вопросы Привалов уже обсуждал с Грязновым по телефону, и не раз. Так что тайны тут нет никакой. Хотя, скажу тебе, обращаясь к известному старинному принципу – «они не должны

знать, что мы знаем о том, что они знают», – кое-кому бывает выгодно создать видимость проблемы. На пустом месте. Так иногда и делается в силовых структурах – для увеличения финансирования. Я понятно объясняю?

Людмила натянуто кивнула.

– Вот поэтому, дорогая моя, я не вижу решительно ничего опасного для тебя лично. Но если что-то где-то сейчас и прозвенело, могу дать деловой совет. Будем считать, что ты мне ничего не показывала, а я ничего и не просил, в глаза не видел. Кинь эту папку на ту же пыльную полку и забудь о ней. Как я уже забыл. Или, может быть, мне заодно уж и помочь тебе, пронести ее обратно через вашу охрану, скажем, под одеждой, под плавками, например? – Он ухмыльнулся. – Ты не стесняйся, говори.

– Мне было крайне неудобно просить тебя об этом… Но если ты соглашаешься, тогда помоги. Чего-то они там бучу подняли. Кто-то, очевидно, позвонил и сказал. Не знаю точно, но – похоже, так. У нас уже не первый случай. Они вчера меня разыскивали, но телефоны, ты сам знаешь… – Она лишь развела руками. – А ты сделай вид, что меня ищешь для уточнения каких-то фактов по последнему приговору областного суда. Ну, а я скажу, что в аптеку бегала. Голова у меня вчера весь день и вечер дико болела. И сейчас, мол, болит. И мы пройдем ко мне, где я заберу у тебя папку и суну на место, ладно?

– Нет вопросов, дорогая. Главное, чтоб ты была спокойна. После вчерашних событий я могу относиться к тебе исключительно с искренним восхищением и горячей благодарностью. Поэтому пусть этот тайный поступок станет моим скромным вкладом в дело твоей личной безопасности, – он улыбнулся, – ну и так далее. Можешь рассчитывать на меня полностью. А этой папки, повторяю и всем остальным скажу, даже на Страшном суде, а не только на вашем, я никогда и в глаза не видел. Они ж не станут меня на контроле обыскивать, надеюсь? Или уже и до охраны доведено, что я ворую уголовные дела в прокуратуре? Нет?

Она наконец с облегчением улыбнулась.

– Я тебе так скажу, Сашенька, – проникновенным низким голосом, который его так возбуждал, произнесла она и приблизилась вплотную, вздрагивая от странного нетерпения, причина которого, впрочем, Александру Борисовичу, тонкому знатоку женской души, была понятна, – если выручишь и не подставишь меня, обещаю, что и следующая ночь – тоже твоя.

«Эва, – отстраненно подумал он, – а что ж я Зинке теперь скажу? Чего я тут делал двое суток? Впрочем… Этот вопрос следует хорошенько потом обдумать…».

– Я буду трогательно счастлив, дорогая. На такую поразительную щедрость я не мог и рассчитывать…

И он резво поднялся, чтобы жарко прижать ее к своей груди и… пока только поцеловать. Однако ей уже и этого вполне хватило, чтобы издать тонкий, жадный стон. Но – время! Она заторопилась и выпустила его из квартиры первым, сказав, что придет следом, после него…

Турецкий подкатил на машине к зданию прокуратуры, с озабоченным видом прошел пост охраны, небрежно сунув милиционеру под нос свое удостоверение, и тот даже рассматривать «ксиву» не стал, мельком взглянул и махнул – проходите.

Естественно, Людмилы на месте не оказалось, и Турецкий поинтересовался в секретариате, когда появится сотрудница архива? Секретарь позвонила, очевидно, Людке, не дождалась ответа и, пожав плечами, предположила, что Егоркина, наверное, вышла, на несколько минут на воздух – отдышаться. В кабинетах-то не продохнуть, кондиционеры, как всегда, не тянут, а вентиляторы вовсе не спасают, а только гоняют без конца из угла в угол осточертевшую жару, поэтому надо просто подождать Людмилу Васильевну возле ее кабинета. Александр Борисович приветливо улыбнулся и поблагодарил. А вскоре и встретил запыхавшуюся сотрудницу архива.

Неужели прошедшая ночь до такой степени измотала девушку, что ей становилось трудно дышать, поднимаясь по лестнице? А что же тогда с ней будет завтра? И Александр Борисович, из-за пазухи вытащив папку, которую Людмила немедленно отнесла на место и воткнула между

другими, аналогичными, с мягким юмором спросил, не слишком ли он был вчера горяч и стремителен? Она не поняла, и он, облизываясь, словно сытый кот, объяснил насчет ее одышки.

– А-а! – она облегченно рассмеялась, будто у нее гора с плеч свалилась, и ответила со знойной такой интонацией: – Это мы еще поглядим, кто из нас жарче и стремительней… А у меня головная боль, не забывай об этом.

В этот момент на ее столе зазвонил телефон. Люда взяла трубку.

– Слушаю вас, Арсен Гаврилович… – и, зажав микрофон ладонью, шепнула: – Прокурор… выйди на минутку. – Выходя, он услышал: – Да как обычно, все на своих местах! Как это не могли найти? Спросили бы… ах, да, у меня же вчера башка прямо раскалывалась, ничего не слышала… могла не услышать… А я сейчас сама посмотрю и принесу. У меня ничего пропасть не может. Слушаюсь, Арсен Гаврилович…

Турецкий обернулся и посмотрел вопросительно, потом с вопросом в глазах кивнул в сторону стеллажа. Она утвердительно кивнула в ответ и пошла за папкой. Взяла в руки, посмотрела, сощурившись, на Турецкого:

– Когда листал, внутри ничего не забыл?

– Никогда ничего не забываю, я знаю порядок, дорогая. И пометок не делал. А вот ты, – он снова кивнул теперь уже на папку: – не забудь, в свою очередь.

– Чего?

– Из папки-то вынь, – тихо сказал он и улыбнулся.

– Ах да! – спохватилась она и вытащила дело из папки, которую небрежно отбросила в угол. Улыбнулась: – Спасибо. Подожди меня в коридоре… Кое-кому не терпится…

Естественно, он дождался. Она подмигнула ему, подходя. Уже без обвинительного заключения в руках. Значит, кому-то действительно не терпелось, не спалось спокойно, если еще вчера забили тревогу. Странно! Впрочем, какие странности, если все тут только вид делают, что озабочены. Вот прохиндеи!

– Ну, и кто ж это у нас такой ретивый? – спросил Александр Борисович, возвращаясь следом за девушкой в помещение архива.

– Тот, кто о твоем посещении побеспокоился. Генерал Привалов. Не понимаю, ему-то что нужно? Там же все даже ежу понятно!

– А ты-то откуда знаешь? – вдруг что-то словно бы осенило Турецкого.

– Так мой же папашка и расследовал…

«Точно, Егоркин, – вспомнил Александр Борисович. – Славка же, по-моему, называл и эту фамилию… Так, а где же он отдыхает? Надо бы уточнить. Может, в нашем пансионате на Истре? Это было бы очень удачно».

– Здорово он утомился на этом деле? – спросил у Люды. – Если теперь сердце лечить приходится? Да еще под неусыпным контролем родной супруги? Это у него, в самом деле серьезно?

– Нет, там другое, – она брезгливо скривила лицо. – Кажется, они подгоняли что-то, ну, чтоб самим в галошу не сесть, а отец возражал, даже ругался, я не раз слышала по телефону. Правда, толку от этого… Я и удивилась, когда ты попросил показать тебе старый приговор. Я ж все-таки немного в курсе…

– А ты сможешь мне сегодня еще немножечко помочь? Так, по мелочам, и таким, кстати, чтоб к тебе ни теперь, ни потом никаких вопросов ни у кого не возникало?

– А ты обещаешь мне, что не сбавишь накала? – в свою очередь лукаво спросила она, нервно шевеля ноздрями.

– Жаль, что здесь показать не могу, – таинственным шепотом ответил он, приближая свои губы к ее.

– Иди, иди, – шепнула она, отталкивая его, – а то кто-нибудь обязательно сунет нос…

– А когда подъехать?

– Так я скоро домой прибегу. Через часок-другой, если не задержат. У руководства вопросов, кажется, больше не предвидится, а который вчера возник, уже отпал. А ты машинку свою поставь где-нибудь подальше, не надо, чтобы она у моего дома отсвечивала. И предварительно обязательно мне позвони… Ну, скажу тебе, и люди ж у нас!

– А ты их не ругай, у бл… – он дошептал слово до конца, – это обычная, более того, привычная и даже необходимая работа.

Людка расхохоталась. «Ух, до чего ж хороша, зараза!» Он ободряюще подмигнул ей и вышел.

Глава вторая
Скелет в шкафу

Целенаправленное и достаточно бурное общение со следовательской дочкой показало, что для нее не существовало каких-то там тайн следствия и судебного процесса, проведенного в закрытом режиме, как якобы ни требовали осужденный с его адвокатом присутствия присяжных. И это обстоятельство, которое, в общем, являлось откровенным нарушением со стороны судьи, позволяло Александру Борисовичу предпринять новые шаги в изучении истинных мотивов исполнителей судопроизводства по делу Калужкина и скрытых руководителей этого позорного действа.

Нужен был адвокат. Он должен был определенно знать о тех причинах, которыми руководствовались обвинители. О них в принципе нетрудно догадаться. Но опять-таки только – в принципе, а Турецкому требовалась точная информация, которой он мог бы оперировать в дальнейшем своем расследовании, нужны факты. И никто из располагающих ими, кроме адвоката, делиться с ним не стал бы.

Адрес адвоката Турецкий взял еще у Кати. Та говорила, что пыталась ему «плакаться», уверяя, что ее Антоша ни в чем не виноват, но Петровичев, как оказалось, достаточно молодой человек, хотя и болезненного вида, лишь отмахивался и сонно отвечал, что и так делает все, что в его силах. А, мол, через голову свою он перепрыгнуть не может. Ну да, с огорчением подтвердила Катя, такой хиляк сопливый не только через голову, он и через кучку дерьма переступить не сумеет, увязнет! И зачем только таких назначают, – специально, наверное, чтоб невиновных гробить? Что он может-то?.. В общем, не верила Катя ему, считала, что Петровичев нарочно не стал защищать Антошу, чтоб не ссориться с судейскими. Разве это правильно?!

Что ответить? Конечно, неправильно. Но такой ответ ее не успокоит.

Турецкому показалось странным другое: чем болен-то адвокат? Одно дело – насморк там, и совсем другое… ну, скажем, если он – на «крючке» кое у кого. Тогда его инициатива может быть лишь показной. Что он и продемонстрировал. Протест – в последний день. На присяжных вовсе не настаивал, да и подсудимый якобы не требовал их присутствия. Хиляк… сонный… А не в этом ли причина? Надо найти его и встретиться. И лучше всего – у него дома, чтоб тому убежать было некуда. И потом, адвокат просто обязан поделиться с частным детективом материалами следствия. Если он действительно озабочен доказательством невиновности своего клиента. А также обязан обеспечить Турецкому встречу с осужденным. И вообще, ввести в курс дела.

Кстати, известно, по чьей инициативе он принес протест после оглашения приговора. Привалов обещал это Грязнову. Лично. А жалобу в кассационном порядке? По собственной? Вряд ли, если сам не продолжает адвокатского расследования. А что оно не производится, совершенно ясно, ибо он ни разу не появился в станице, где полно свидетелей. Значит, они его не интересуют, как не интересует в конечном счете и результат. Формальный ход? Возможно. Не исключено, что таким вот образом господин Привалов «держит свое слово», данное им Грязнову. Но при этом не ударил палец о палец. Разве мог он подумать, что Грязнов попросит приехать в Астрахань не какого-нибудь «завалящего» сыщика, лишь бы выполнить формальность и закрыть вопрос за отсутствием доказательств невиновности Калужкина, а самого Турецкого? Уж Александра-то Борисовича Привалов не мог не знать, как и то, что проигрышей в делах бывшего «важняка» практически не случается. Значит, по этой причине и была сначала проявлена показная радость. Пока Дуся была рядом. Пока пили в ее доме холодную водку, провожая невесту в Москву и весело рассуждая о близких уже перспективах ее «слад-

кой» семейной жизни, и пока махали руками вслед отлетавшему самолету. Очевидно, решил Привалов, на этом акте и закончилась его «благотворительная» миссия.

Ну, хорошо, не хочешь поспособствовать – твое дело, точнее, твоей совести. Но тогда хоть не мешай! Чего всполошился-то по поводу первого приговора? Сам же помог ознакомиться с материалами. Или запоздало спохватился? Понял, что «копать» собирается Турецкий. Значит, знает кошка, чье мясо съела! «А что, если, – сам собой возник вдруг вопрос, – генерал и рулит процессом? Кому больше других необходимы эти, отсутствующие ныне, – по утверждению, кстати, того же Привалова в разговоре со Славкой, – неизвестные материалы покойного Грибанова, переданные майором в ГУВД и касавшиеся проблемы роста наркомании в губернии? А кроме того, тех, кто занимался их распространением? Кому, помимо самого генерала? Ведь по его ведомству проходили материалы. Были и исчезли бесследно. Как понимать? И это его следователь Полозков творил бесчинства в станице. Интересно, где он теперь? Осужден или благополучно отпущен восвояси? Тоже показатель. Как и новый участковый Жигало, которого, по утверждениям станичных женщин, провожавших Дусю, никто никуда не вызывал, хотя обещали разобраться и наказать. На что, к слову, там же, в застолье, как-то криво отреагировал Алексей Кириллович и предложил женщинам не заниматься самодеятельностью, мол, те, кому положено, не спят и работают. Но везде и во всем должна в первую очередь соблюдаться законность. Его бы слова, да Богу – в уши! Только вряд ли дойдут, искренности-то в них даже не просматривается…

Одним словом, у Турецкого все больше падала «планка доверия» к очень успешному в жизни начальнику Главного управления астраханской милиции. А у него на территории, между тем, растут и наркомания, и торговля наркотиками, и жесточайшее браконьерство, – так что не до празднования больших успехов. Однако в глазах его Александр Борисович никакой озабоченности не заметил, скорее наоборот: если и проявилось беспокойство, то именно в связи с его появлением. Вот, собственно, те аргументы, которыми можно оперировать при доверительной беседе с адвокатом Петровичевым.

Как и предположил Турецкий, на физиономии, да и во всей фигуре Ивана Артемьевича ясно проглядывали пороки, присущие людям, употребляющим наркотики, причем не от случая к случаю, а регулярно. Худой, болезненного вида, с сонным взглядом и заметно замедленной реакцией. И как его держат в его конторе? А может, он – чей-то сын? Или сват, брат? Кому-то он нужен, иначе его духа давно бы уже не было. То есть становилось понятно, что и адвокат – тоже чья-то подстава. Зачем такому «работничку» бороться за установление истины? Он и адвокатских расследований не производил, в станице его никто не видел. В общем, липа чистой воды. Наверняка и о суде с участием присяжных заседателей ни сам не заикнулся, и не подсказал неопытному, очевидно, в таких делах Калужкину.

Во всех этих обстоятельствах Александр Борисович определился с первых же минут знакомства – не очень, как оказалось, ожидаемого, а оттого и неприятного для адвоката. Если б тот вовремя сообразил, кто к нему явился, то мог бы и вообще в квартиру не пустить. Но вид у Турецкого был решительный, и Петровичев не успел сделать выводы для себя. А может, и не рискнул. Ничего толком он и рассказать не мог – пустое место, формальность с криминальным уклоном. Ну что ж, и такой факт может быть с интересом воспринят в суде следующей инстанции – скажем, в Федеральном. Вот, посмотрите, какими методами пользуется астраханское правосудие! Неприятно будет им тут услышать мнение, пусть и бывшего, но все же первого помощника генерального прокурора. А уж потрясти собственными заслугами – этому Александра Борисовича Турецкого учить не надо было. Да и связи в столице оставались, как-никак.

Но, видя полную беспомощность адвоката, он решил попытаться хотя бы вытрясти из того душу и собрать максимум необходимых ему фактов. Особенно его интересовали родственные связи Петровичева. Впрочем, надо бы проверить у Люды, может, она знает. Астраханское правосудие – система по-своему прозрачная, все здесь друг друга знают, слухами

мир полнится. А этот Петровичев наверняка является притчей во языцех, важно только концы отыскать. Вот тогда и задницу ему можно будет прижечь основательно. И посмотреть, кто его кинется защищать.

И Александр Борисович решил сделать «впечатляющий ход». Он набрал на своем мобильном номер Люды и, не называя ее, а просто сообщив, что сам находится у адвоката Петровичева, попросил ее дать ему информацию об этом человеке. Почему откровенный наркоман назначается судом для ведения защиты? Кто он и как попал в коллегию адвокатов? Кто его «курирует» на этой должности? Задав для начала эти три вопроса, Александр сказал, что ссылка на источник информации полностью исключается. А сам Ванька – вот он, напротив сидит и глазами сверкает, потому что ответить ничего не может, под кайфом, похоже. Или о новой дозе мечтает.

Разговаривая по телефону, Александр Борисович хоть и скользящим взглядом, но достаточно внимательно, отмечая характерные детали, осматривал комнату. Не по средствам живет этот прохиндей. Явно имеет солидную «крышу». Знать бы какую, чтобы разыграть дальнейшую комбинацию. А может получиться весьма любопытный вариант, ох, и покрутятся же здесь господа прокуроры! Ведь создана абсурдная ситуация, рассчитанная на полный провал защиты. Потому, вероятно, и присяжных не было. Если о них вообще заходил разговор у адвоката с обвиняемым. Короче, сплошные нарушения закона. Что ж, можно ведь в конечном счете и до Верховного Суда дойти. Но тогда уже с очень неприятными последствиями для местных деятелей правосудия. И, возможно, они об этом догадываются, потому и спешат, и убирают все, что могло бы стать оправданием для Калужкина. Но почему же, черт возьми, они в него так вцепились?! Где причина? Ведь она наверняка была.

Пока Ванька-Каин, как мысленно назвал адвоката Турецкий, мялся ввиду невозможности избавиться от назойливого гостя, позвонила Люда и сказала с легким смешком, что Ваня Петровичев – племянник судьи Санаевой, той самой, что вынесла в областном суде обвинительный приговор Калужкину. Турецкий поблагодарил, сказал, что может немного задержаться, но обязательно будет на связи, и отключил телефон.

Он поднялся, и глаза его грозно сверкнули.

– Это как же получается, господин адвокат? – произнес Турецкий с откровенным и даже вызывающим сарказмом. – Тетушка назначает племянника защищать того, кому собственноручно выносит обвинительный приговор? А племянник – ни бэ, ни мэ, поскольку является законченным наркоманом? Ничего себе, как вы считаете? Если еще умеете считать! Я полагаю, что уже сам этот факт вызовет пристальный интерес Верховного Суда Российской Федерации своим вопиющим нарушением профессиональной и служебной этики. Впрочем, мне с вами больше говорить не о чем, свое полное ничтожество вы уже продемонстрировали, даже и не пытаясь защищать невиновного человека, а пошли, как тупой баран, на поводу у нечистых на руку работников прокуратуры и суда! – Александр Борисович был наступателен и храбр, поскольку твердо знал, что никаких аудиозаписей адвокат в его теперешнем состоянии сделать был не в силах, а словам его никто, ни одна сатана, не поверит. – Я очень надеюсь, – продолжил с пафосом, – что ваша местная коллегия адвокатов не оставит и этот преступный факт без своего внимания!.. А я-то думаю, что это тут происходит? Клиент не проинформирован о своих правах! Интересно, чем же вы занимались в суде? Кокаин нюхали?!

– А я тут при чем? – «прорезался» наконец адвокат. – И вообще, чего вам от меня надо? Катитесь вы со своими… Все давно было решено, усилия бесполезны…

– Кто так решил? – резко спросил Турецкий.

– А-а… – открыл рот Каин, но испугался. – Не знаю. В суде сами узнавайте.

– Ты прекрасно знаешь, сукин сын! – рявкнул Турецкий, кончая с вежливостью. – Отвечай! Тетка твоя? Санаева, ну? Или Привалов? Быстро отвечай! А то я ждать не буду, так врежу, что костей не соберешь! Ты знаешь, кто ты такой есть? Ты грязный, ссучившийся адвока-

тишка! Даже уголовники таких не терпят! Они им перья вставляют, чтоб избавиться от подобной погани! Отвечай, кто тебе продиктовал линию поведения защиты, ну?!

– Да не надо на меня орать, – морщась, как от сильной головной боли, безвольно отмахнулся тот. – Все орут, всем по… Кто?.. Ха, да все… И Привалов тоже… Он просто… Сказал: ты понял? Не, ты понял?! И все! И я сразу понял… А мне что, сильно надо? Копейки платят, это что – процесс? Не-а, одна вонь. Всем по…

Он невнятно выругался и вообще выглядел сильно пьяным, но, конечно, не от водки, наркоманы, как правило, не смешивают «жанры». То есть он был уже «на грани». И спорить с ним о чем-то было бессмысленно. Но роль Привалова нарисовалась достаточно «выпукло». И тут Александра Борисовича посетила неожиданная мысль. Он вышел, хлопнув дверью и не беспокоясь, что наверняка все соседи в этом, элитного типа доме наверняка вздрогнули. Ничего, потерпят.

Он сел в машину и достал телефон. Поступок должен быть неожиданным и наглым. В этом его сила и суть.

– Алексей Кириллович, добрый день, уважаемый! – и, не дав тому опомниться и сослаться на срочную занятость, продолжил с наивным напором: – Это что ж творится-то? Никто ничего не может. Адвокат этот, он же – законченный наркоман, лыка не вяжет! Мычит… Чего-то про тетку свою нес, это судья которая, да? Я так его и понял – Санаева! Вас приплел! Мол, взяли вы его, дурака, за глотку и пригрозили, ну, надо же! Слушайте, уж если я бы и решился в чем-то вас подозревать, то уж никак не в подобном идиотизме! – Турецкий раскованно расхохотался, рассчитывая и на ответную реакцию, и услышал мелкий смешок – все правильно! – Нет, ну, слушайте, просто полный отпад! И вот в этой связи, вы уж извините мою настойчивость, я вынужден снова просить вас об очередном одолжении: помогите мне встретиться с осужденным, – ни от кого ничего не добьешься! Судьи – нет, адвокат – мычит! Я думаю, это уже последняя моя просьба, мне ведь тоже неохота отрывать вас от дела своими дурацкими жалобами…

– А что у вас за срочность такая, Александр Борисович? Ну, подождите немного, появится судья и решит ваш вопрос в два счета, все-таки это – по ее ведомству…

– Да я хочу побыстрей избавиться от этого маразма! Нет, но этот ваш адвокат – он же настоящий феномен! Между нами, его что, сама Санаева, что ли, на свой процесс и назначила? Я так из его слов понял. Это ж – ни в какие ворота! Нет, я понимаю, своя епархия, ворочу, чего хочу, но есть же элементарная законность! Я ему так прямо и сказал вот только что: сам по себе этот факт уже является вопиющим нарушением служебной этики! Ну, прямо роскошная иллюстрация к докладу верховного судьи на очередной сессии!

– Нет, Александр Борисович, я уверен, что все это не так, как вам представил адвокат. А что он того… это, к сожалению, прискорбный факт, никуда не уйдешь от этого. М-да… Но ведь никто, наверное, и не захотел включаться в процесс, вот, в чем беда, наверное, тогда и назначили первого, кто под руку подвернулся. Конечно, совершили ошибку. Надо исправлять, согласен. Так вы-то чего хотите, встретиться с этим… с Калужкиным? А кто мешает? Поезжайте в следственный изолятор, а я уж позвоню им и попрошу оказать вам содействие. Поверьте, мне прискорбно слышать от вас подобные оценки, но ведь, недаром говорится, что со стороны всегда виднее. Так что нет проблем, рад помочь. Всего доброго, – заторопился он и положил трубку.

«Ага, прискорбно ему! Ну, сукин сын!.. Крепко его тряхнуло с наркоманом – не ожидал удара с этой стороны. Сразу подобрел. Интересно, что они теперь с ним сделают? Выгонят? Уберут? И судье хороший подарок, а то развели тут, понимаешь, хозяева жизни… Интересно бы послушать, как станет оправдываться перед ними наркоман? Зато нет у них проблем, хорошо живут…».

Калужкин имел вид опустившегося бомжа, у которого отсутствовали какие бы то ни было жизненные перспективы. Более того, показалось, что этот крупный, совсем не старый мужик окончательно простился со всем своим прошлым, с людьми, с Катей и Петенькой, которых ему больше не суждено никогда увидеть, да и с самой жизнью. Интерес потерял, поэтому и говорить не мог поначалу, только равнодушно слушал Турецкого и кивал, когда Александр Борисович передал узнику привет и пожелания удачи, на которую надеялись все знавшие его станичники и Катя в первую очередь. Его помнят и не верят ложным обвинениям.

А чтобы как-то повернуть ход расследования, объяснил Антону Турецкий, ему требовалось точно знать причину ссоры пчеловода с Грибановым. Но при этом не надо объяснять, почему они перед своей громкой уличной ссорой квас пили в доме и смеялись.

И Антон словно очнулся. Внимательно из-под тяжело нависших мохнатых бровей взглянул на Турецкого и почти прошептал, едва шевеля губами, – видно, имел причину:

– А мы и не ссорились. Мы так договорились.

– Это было связано с бумагами? – осенило Турецкого.

Антон, не меняя позы, снова кинул на него мгновенный взгляд, а потом медленно кивнул.

– Ах, пчелки, пчелки… – Турецкий вздохнул, внимательно следя за мимикой Калужкина. От его ответа зависело многое, может быть, даже самое главное. И снова Антон медленно, словно через силу, кивнул. Но теперь в глазах его, поднятых к Александру Борисовичу, блеснула надежда.

– Как они… там? – спросил охрипшим голосом.

– Вас любят и ждут, – твердо ответил Турецкий. – Передачи получаете от Кати? Что сказать?

– Я не виноват, – с трудом выговорил он.

– Они знают. И я здесь по этой же причине. Провожу собственное расследование. Значит, говорите, пчелок жалко?

– Чего жалеть… Их там, – он блеснул глазом, – уже давно нет. Погибли, наверное, без хозяина. Да и ульи уже… совсем старые, менять собирался, да руки так и не дошли… На дрова годные…

– Ничего, освободитесь, купите новые, – постарался утешить Турецкий. – Ну, а те не стоит и жалеть, верно? Или все-таки жалко? – он исподлобья посмотрел на Антона, и тот поднял к нему глаза и дважды почти незаметно отрицательно качнул головой, словно говоря: «Нет, не жалко».

– А что, Антон Сергеевич, зачем вы отказались от суда присяжных? Или это адвокат вам так насоветовал?

– А я и не знал, что это нужно делать, и он не сказал.

– Все понятно. – Турецкий поднялся и пожал Антону руку. – Крепитесь, мы будем стараться. Потерпите еще немного, так надо.

– Потерплю, – твердо уже сказал Антон, и Александр Борисович понял, что он не сломлен…

«И тут – вранье! – думал Турецкий, выходя под жгучее солнце. В машине сидеть не было возможности, и он распахнул дверцы, а сам тем временем достал телефон и набрал номер Людмилы. Судя по времени, она уже вполне могла быть дома. Как подумал, так сразу же и захотелось до дрожи душевной принять холодный душ. А лучше – контрастный, если в доме есть горячая вода. По сезону обычно в это время в Москве ремонтируют сети и отключают воду в домах. А здесь иначе?

Телефон не отвечал. Наверное, отошла, а трубку на столе оставила. Вспомнил и усмехнулся: на ее платье, в котором она бегает на работу, нет ни одного кармашка, оно вообще напоминает легкомысленную комбинацию, которую так приятно стягивать с нее через голову. Вот

же, все продумано! И не девочка уже, а заражает своей откровенной молодостью, – счастливое качество. Надолго ли? Странно, что у нее нет кавалеров… Или есть, но тайные? Вот с этими мыслями он и сел в машину, чтобы ехать в направлении прокуратуры.

В обвинительных заключениях, как он запомнил, фигурировали акты судебно-медицинских и криминалистических экспертиз. Фамилии экспертов ничего не говорили Александру Борисовичу. Но один подлог он все же заметил, поймал. И теперь было бы очень важным проверить свои выводы у тех, кто подписывал акты осмотра трупа и местности, на которой произошло убийство. Не совпадало. Такое ощущение, что показания просто подгоняли под готовую версию. Обращаться с очередными просьбами к Привалову – значило просто погубить все дело. Могла бы помочь Людка, если бы узнала адреса нужных ему людей. Вот это и была у него на данный момент задача номер один. А девушка молчала. Вне доступности? Прокурор вызвал? А к нему с «мобильниками» не ходят? Конечно, так.

Подумал и на всякий случай позвонил к ней по домашнему телефону, и трубку немедленно подняли, словно Людка смотрела на нее в томительном ожидании.

– Ну слава богу, додумался наконец! – нервно закричала она. – Я забыла «мобилу» на работе, – жара ведь, мозги плавятся! Думала, сам догадаешься! И сижу теперь, вот уж скоро час, как дура! Ты где?

– Мчусь к тебе. Не волнуйся, я был в СИЗО и у адвоката. А ты – совсем уже освободилась?

– Не знаю. Только, пожалуйста, не тяни, я так устала, – совсем уже жалобно закончила она.

От чего устала, она не разъяснила, и Турецкий самоуверенно решил, что, наверное, ждать его. И поторопился… Помня ее просьбу, он оставил машину вообще у соседнего дома, в ряду других, замерших у тротуара. И отправился к ней, соблюдая самые примитивные законы конспирации. Не торопился, не оглядывался подозрительно, не смотрел в витрины магазина, мимо которого проходил. Шел спокойной походкой, прикрывая от солнца голову газетой, она же и лицо его скрывала от любопытного, если бы таковой нашелся. Чушь это все, но береженого, как говорится, и Бог бережет. Вошел в тенистый двор, присел на одинокую лавочку под акацией, посидел, посматривая по сторонам, покурил. Потом, не обнаружив ничего подозрительного и полагаясь на собственную, отработанную годами интуицию, независимо прошел мимо нужного подъезда, а у следующей арки ворот повернул обратно и спокойно вошел в прохладный подъезд. Лифт был где-то наверху, и вызывать его Александр не стал, решил подняться на пятый этаж собственными ногами. Заодно и полюбопытствовать, нет ли кого на лестничных площадках. И здесь было пусто: видимо, народ, не занятый делами, предпочитал в душных квартирах не сидеть, Волга же рядом.

Полураздетая, в халатике, и босоногая Люда сразу отворила и, пропустив в квартиру Турецкого, захлопнула дверь за собой и кинулась ему на шею. Нормально, хоть и жарко, он с удовольствием сбросил бы с себя всю одежду и встал под душ. Держа девушку навесу, прошел по коридору к ее комнате и услышал, как громко хлопнула дверь лифта на этаже. Александр Борисович невольно обернулся, и тотчас же раздался долгий звонок.

Быстрый взгляд, брошенный им на Люду, подтвердил, что чей-то приход был и для нее неприятным сюрпризом. Глаза ее расширились, звонок повторился. Она освободилась из объятий Александра и на цыпочках кинулась на кухню, осторожно выглянула в окно и обернулась к подошедшему к ней скользящим, неслышным шагом Турецкому.

– Так, доигрались, – почти прошипела она и кивнула в окно.

Александр Борисович аккуратно, из-за занавески, выглянул во двор и увидел стоящую возле подъезда длинную черную иномарку с погашенной «мигалкой». На таких машинах обычно ездят большие начальники. Он вопросительно посмотрел на девушку, у той словно кровь отлила с лица.

– Ты знала?

Она неопределенно пожала плечами, сморщилась в презрительной гримасе, а потом кивнула.

– Это Привалов, его «мерин».

– Ни фига себе! И что ты теперь предлагаешь? Зачем он приехал?

– Зачем?! А ты не догадываешься? – она сощурилась. – За тем же, что и ты. Но он без звонка еще ни разу не приезжал… Он не видел тебя, хотя бы случайно?

– Мы много говорим. – Турецкий отреагировал на новый дверной звонок усмешкой. – Не видел. А что, это даже забавно. Спрячь меня куда-нибудь, куда он не полезет. В родительский шкаф, например. А ты чего испугалась? Ты ж болеешь. А вот мне с ним встречаться необязательно, хотя и тут проблем особых нет. Зашел просто навестить больную. Впрочем, долго не открываем, а это – подозрительно. Лучше уж ты поболей одна.

– Идем, – решительно шепнула она и провела его в спальню родителей. От двери до подоконника тянулась модная когда-то стенка с ореховой облицовкой. Несколько отделений в ней, с вешалками, были предназначены для хранения костюмов и платьев. Вот в одном из них, потеснив одежду, пахнущую сухой апельсиновой коркой, и уместился Александр Борисович, прикрывшись спереди висящим костюмом. Не самый лучший способ избежать нежелательной встречи, но не под кроватью же прятаться!

Легко щелкнул поворот ключа, и Люда, вынув его, сунула в кармашек халатика. А дырочка осталась.

Следующие полминуты она медленно и тяжело, усталыми шагами прошлепала босиком к входной двери, натирая кулачками глаза до красноты. Приблизилась, хрипло откашлявшись, прислушалась и неохотно спросила:

– Кого черт принес?

– Открывай, что с тобой? – раздался начальственный басок Привалова.

Люда, громко и с отвращением вздохнув, неуверенными движениями начала отпирать дверь. Открыла, отошла, морщась. Привалов буквально ворвался в прихожую, подозрительно огляделся. Наконец, обратил внимание на мокрое полотенце, которым была обвязана голова Людмилы, и на ее красные, словно воспаленные, глаза.

– Что с тобой? – повторил он вопрос, но уже с тревогой.

– Угадай с трех раз…

– Мне сказали, что…

– Ага, – она сморщилась и прижала полотенце обеими руками. – Сказали-мазали… Делать тебе не хрена! Чего ты от меня хочешь? У меня башка раскалывается! – почти истерично выкрикнула она.

– Но отчего? – удивился генерал.

– От вас от всех, заботливых!

– Но я-то при чем? Люда, не вали с больной головы на здоровую…

– А твоя-то от каких забот болит? Заигрался, что ли?

– Не говори глупостей! – резко бросил он и тотчас снизил тон: – Извини. Я ж не знал. И потом, кого ты имеешь в виду, говоря о заботливых? Уж не москвич ли тут успел затесаться?

– Да при чем здесь он?

– А при том, что его с тобой видели. Как он лез к тебе… Сюда, что ли, набивался? Так я его вмиг утихомирю!

– Да пошел ты… Леша. Мне уже противно слушать, как ты сплетни обо мне собираешь!

– Не сплетни, а оперативная информация! И мне доложили, что у тебя к нему неравнодушное отношение.

– Ага, а как же! Человек вопрос задал, а я ответила. Ну, блин!.. Нет, Леша, он лучше и умнее тебя, он хотя бы ахинеи не несет. Это тебе давно уже нечего делать, кроме как «бабки»

заколачивать! А я ж не в машине с «мигалкой» по бабам катаюсь, я целыми днями давлюсь в полутемном душном архиве, где дышать нечем, кроме пыли…

– Я тебе давно говорил…

– Знаешь, мне надоел твой бесконечный базар. У меня второй день голова болит! Ну, чего тебе от меня надо?! Не могу я… Поезжай домой, к Марине своей, поплачься ей, что тебя любовницы обижают. Может, посочувствует, даст…

– Ну, зачем ты издеваешься? Ты же знаешь, с ее здоровьем…

– Вот ее и лечи!.. А меня оставь в покое. Уходи, потом позвонишь. Завтра. Если я смогу. Или послезавтра. Чего, у тебя больше нет никого, что ли? Нагнуть некого? Ведь врешь!

– Ну, зачем ты мне гадости говоришь? Ты прекрасно знаешь мое к тебе отношение…

– Не хочу больше ничего знать! Вы все – козлы!

– Кто, все?

– Да и ты, и Арсен… «Извините, Людмила Васильна, а нет ли у вас охотки отужинать нынче со мной?» – «Нет охотки, Арсен Гаврилович, уважаемый!» – «А отчего же? Можно ведь и на дебаркадере, там прелестные, такие уютные каютки!» – «А оттого, что меня уже Привалов, дружок ваш молочный, тянет-потягивает!»

И она сделала попытку хрипло рассмеяться, но охнула и снова схватилась руками за голову.

– Да ты что несешь?! – возмутился генерал. – Ты действительно больна! Так лечиться надо! Сейчас врача привезу. И лекарства.

«Зря обостряет», – подумал Турецкий, выглядывая одним глазом в замочную скважину. Разговор в коридоре становился все более интересным. Но, что показалось ему странным, Люда будто знала, в чем заключается главный интерес московского сыщика.

– А я вас не пущу. И позвоню в милицию, что ко мне ломятся два насильника… Ладно, Леша, уезжай, ну тебя… Неужели ты такой тупой и твердолобый? Есть уже у меня лекарства, которые я пью, сама в аптеке купила, без вашей помощи.

– Ну, ладно, ладно, не сердись… Тапочки-то хоть надень, на-ка вот, – он подвинул ей домашние тапочки, в которые она сунула ноги. – А чего у тебя вид такой… разобранный?

– А я забыла, что в постель надо ложиться по-генеральски, не снимая сапог.

– Успокойся, – мирным уже тоном сказал Привалов. – Слушай, мне очень не нравится поведение Арсена в отношении тебя. Вот уж действительно козел!

– А сам? Ну, и расскажи ему об этом. А я посмотрю, как вы бодаться станете, а потом делиться начнете, кому что достанется…

– Брось, – он небрежно отмахнулся, как от детской глупости. – Мне совсем не по душе твои частые головные боли. Подожди еще немного, вот возьму отпуск и отправимся… да хоть в Швейцарию. Там, на горных курортах, любые боли лечат. И отдохнем, и людьми себя наконец почувствуем.

– А тут ты – не «люди»? В самом деле, – в ее голосе появился сарказм, – какая это жизнь, когда приходится жить скромно и тихо, даже на доктора для больной жены денег не хватает, у бедного! Зато какие красивые, какие роскошные и щедрые у нас мечты! Даже зависть берет!..

– Люда, ты прекрасно знаешь, что денег у нас с тобой на две жизни хватит. Но я не могу здесь и сейчас тратиться так, как хотелось бы. Вот уедем в Испанию или в Италию, дом себе купим. В Италии, говорят, да я и сам по телевизору видел передачу, чуть ли не за символические деньги отличное жилье продают. Квартиры, дома. Не хватает им на привычную, безбедную жизнь, кризис давит. Но нам-то с тобой никакой кризис не страшен! А потом выйду в отставку, и заживем, как короли! Знаешь, я уже давно сплю и вижу, как мы с тобой вдвоем…

– Может, кончишь хвастаться и дашь мне спокойно вернуться в постель?

– Да я готов немедленно помочь тебе! В постели, разумеется! – он жизнерадостно захохотал… – А что, давай, правда, попробуем немножко? Вдруг снимем боль? Знаешь, как гово-

рится, способом отвлечения. Переключим внимание с головы на… – сытый генеральский смех продолжился. Самодовольный, «предвкушающий», его почему-то называют «жеребячьим», наверное, зря обижая приличных лошадей.

«Очень любопытный разговор», – думал, отсиживаясь в платяном шкафу, Александр Борисович. Ему уже не казалось, а он был уверен, что Людка завела этот долгий «базар» специально для него. И генерал, ничтоже сумняшеся, как говорится, раскрылся, подобно хорошо охлажденной устричной раковине…

Он почему-то не испытывал никакого неудобства от своего нелепого положения. Напротив, в такой игре была даже какая-то необъяснимая прелесть, этакие «казаки-разбойники». Турецкий наблюдал только отчасти за жестами и мимикой разговаривающих, когда те входили «в зону» его видимости, но даже по одним их интонациям смог сделать вывод о том, как они себя ведут. И неожиданно восхитился поведением Людки – жила в ней блестящая актриса!.. Так, значит, генерал уже готов помогать ей в постели? Впрочем, что за вопрос, он же за этим, естественно, и явился…

– О постели можешь забыть! – жестко отчеканила Людмила и охнула, снова взявшись за голову. – И подумай о своей жене. И о сыне вспомни, генерал успешный…

– Так я все равно разведусь! Ты только не торопи меня. После отпуска и займусь.

– И совесть не заест?

– Слушай, уж кому-кому – о совести-то?!

– А ну, убирайся! И чтоб ноги твоей больше здесь не было! Хам!

– Ну ладно, перестань, перестань, не нервничай… Я ж понимаю твое состояние, неужели ты думаешь, что я способен… причинить тебе?.. Уйду, конечно, какая сейчас может быть любовь, верно, дорогая моя? А я действительно заволновался, ты пойми меня. И я настойчиво прошу тебя, впредь веди себя с этим москвичом осторожно. Не надо ему помогать, пусть сам со своей работой справляется. Тут, понимаешь, такая ситуация. Дуська моя, ну, седьмая вода на киселе, за дружка этого Турецкого… Надо ж, какая дурацкая фамилия!..

Александр Борисович немедленно обиделся за свою фамилию. И пообещал себе запомнить обиду. Не простить, во всяком случае… А что такой случай у него теперь представится, он уже был уверен: не будите, как говорится, во мне лохматого зверя!

– Так вот, дружок его, и я его давно знаю, упертый такой был в свое время, МУРом руководил, знаешь, что это? Московский уголовный розыск! А потом в нашем министерстве руководящий пост занимал. Сама понимаешь, какими связями обладает! Да мне с такими – вообще хлопот никаких! А ты говоришь!..

– Да ничего я не говорю! Надоело мне… Уже и сестру приспособил, ну и сукин же ты сын, Лешка!

Он снова захохотал.

– Обожаю, когда ты так говоришь! Ух, как я тебя!.. Ладно, девочка, ты обиды не держи, я и сам на нервах. А за Дуську не беспокойся, она даже не догадывается, какую роль должна сыграть в нашей с тобой дальнейшей судьбе. И пусть сама будет счастлива, я – человек независтливый…

– Это ты-то? Ладно, рассказывай лучше дружку своему, Арсену. Вы ж с ним – не разлей вода! Не завистливый он, ха! И москвича опасаешься наверняка не зря, – вот сядет он тебе на «хвост».

– Да не его я опасаюсь! – воскликнул Привалов. – Я за дело опасаюсь, потому что он всегда ловко рыл, зараза. А на «хвост» ему я уже сам сел, ты только молчи, никому не говори. И ему – тем более, все наше дело испортишь.

– Опять – ваше! С Арсеном, что ли?

– Ну, а с кем же? Там же добрая половина – его. И в этом деле он побольше моего должен быть заинтересован, вот как. Это, чтоб ты была в курсе.

– Спасибо за секретную информацию! – с сарказмом воскликнула Люда. – Послушай, Лешка, ну какое там у вас дело? Я ж читала обвинительные заключения. И те, и последнее! К кому прицепились-то? Пчеловод какой-то гребаный! Опасность, ах! Дело рушится! Бросьте врать! Ванька-дурак вам нужен!..

– Да не нужен он никому, пойми! Я б его сам завтра выпустил! На кой он черт кому?.. Но зачем он полез в мужские дела? Не хрена ему там делать! Вот и пусть теперь посидит…

– Неужели тебе человека не жалко?

– Да какой он человек? Выбрось из головы! Когда ума нет, и говорить не о чем.

– Ну, если ты считаешь, что один умный, то, я уверена теперь, сильно ошибаешься. А Турецкий – с неприятной тебе фамилией, и я даже знаю почему, так вот он – умный. И поэтому ты его боишься. Не так, разве? Ну, хоть раз в жизни скажи правду!

– Никого я не боюсь. У меня концы чистые. А уж если кому и бояться, так это твоему Арсену. Своих баб у него, что ли, не хватает? Все на чужое зарится! Ишь, козлина старый!.. Ну, а ты – это… посылай его спокойно, ничего он тебе не сделает, я его тогда крепко приструню. Это он полагает, что через тебя на батю твоего может давить. А сам способен только слюни пускать. Да и какой он мужик? У него ж, – Привалов захохотал, – и висит-то неправильно! Ох, добьется у меня!

– Вот с ним и разбирайся, а меня оставьте в покое оба. Хватит болтать, я сейчас блевать начну! Давай, двигай отсюда!

– Все-все, ухожу… До завтра, дорогая. Иди, ложись. Я позвоню, узнаю. Ухожу, ухожу, не провожай…

Хлопнула входная дверь, и наступила тишина. Потом послышались приближающиеся шуршащие шаги. «Ну да, она ж – в тапочках», – почему-то подумал Турецкий и вдруг, словно только сейчас увидев себя со стороны, ощутил жуткое неудобство.

В дырочке стало темно, в нее вошел ключ, повернулся, и дверца шкафа открылась. И вот теперь Александру Борисовичу стало по-настоящему стыдно за себя и за свое «смиренное» поведение. Вряд ли был у него в жизни аналогичный способ, да и повод унизить самого себя до такой степени. Но, увидев смеющиеся глаза Людки, ее распахнутый халат, под которым ровным счетом ничего уже не было, он будто ожил. И тут же постарался перехватить инициативу в свои руки.

– Ты знаешь, о чем я сейчас подумал?

– А ну, интересно, – она кокетливо склонила голову к плечу и посмотрела на него с явным подтекстом, понять который Александр сейчас, с ходу, вряд ли смог бы. А он постарался перевести молчаливый диалог на другие, менее неприятные рельсы:

– Я вспомнил, наверное, известный тебе, старый анекдот. – Подниматься на ноги и выходить из шкафа он вроде бы даже и не собирался, понравилось ему здесь. – Одна молодая английская леди принимала у себя любовника. Но неожиданно вернулся ее муж. Вот она того любовника и заперла в старинный шкаф, в котором хранились какие-то семейные реликвии. А муж, ни о чем не догадываясь, занялся с женой любовью. Потом они уехали ужинать в ресторан. Потом отправились к друзьям в гости, в соседнее графство. А там случилось так, что этот друг, собираясь в кругосветное путешествие, пригласил и их принять участие. Короче, прошло много лет, когда леди со своим мужем смогла вернуться в родовой замок. По поводу ее приезда собрались подруги, которых она не видела много лет, начались воспоминания. И одна из них вдруг спросила: «А ты помнишь симпатичного молодого человека? Его звали Джоном, и он за тобой одно время даже, кажется, ухаживал. Но он исчез после твоего отъезда в кругосветное путешествие. Ты не знаешь, что с ним случилось?» Леди с истошным криком кинулась к шкафу, распахнула дверцу, и оттуда вывалился скелет человека в истлевшей одежде.

– Блеск! – Людка захохотала. – Нет, не слышала! А это что, намек такой?

– Нет, я все искал объяснение известной и, возможно, тоже английской поговорки: «У каждой женщины есть свой скелет в шкафу». Понимаешь, о чем я? – он пытливо уставился ей в глаза.

Людмила, став вдруг серьезной, ответила с несколько холодноватой интонацией, не приемлющей попытки Турецкого переложить свою неловкость на ее плечи.

– А я-то, дура, подумала о другом. О том, как помочь хорошему, как мне показалось, человеку разобраться, в чем он сам никогда не разберется, и дотянуться туда, куда сам не дотянется. Извини за инициативу, – закончила сухо и, словно машинально, запахнула халат.

Александр немедленно, как из пушки, вылетел из шкафа и схватил ее в объятья.

– Прости, я совсем не собирался тебя обижать. Ты не поняла, я имел в виду себя. Вот если бы он сейчас настоял на своем, совершил свое гнусное и отвратительное дело, а потом, скажем, завтра утром, увез тебя в Испанию или куда-то там еще, я бы, чтоб не компрометировать тебя, пожалуй, как тот англичанин тоже не стал бы ломиться из шкафа. И твои родители, вернувшись из Москвы, обнаружили бы среди своей одежды высохшую мумию. А потом разыскивали бы тебя в заграничных странах, по всяким там Испаниям, Италиям и Швейцариям, чтобы выяснить, какой конкретно музей восточных культур ты ограбила. И вот бы ты тогда удивилась, а!.. Или так бы и не вспомнила, как мумия оказалась в шкафу? Между прочим, и это похоже на женщин, – забывчивость. К примеру, пришел вот молодой и очень интересный мужчина. Скажем, я. У тебя возник закономерный вопрос: зачем он явился? Чего ему тут надо? Рядом с моей спальней?

Она обмякла в его руках. Подняла голову, пытливо посмотрела в глаза, натянуто рассмеялась и прошептала:

– Ловко выкрутился. Ладно, мумия, пойдем делом заниматься, а то у меня, и вправду голова от вас от всех разболится…

Глава третья
Судебный медик

Как ни уговаривала и ни успокаивала его Люда, Александр ушел до рассвета: долгого вечера и половины ночи, полагал он, им было вполне достаточно. Людка, видимо, так не считала. Она вообще, словно желая загладить неприятные впечатления о вечерних событиях, старалась с такой неистовой силой, что Турецкому впору было изумляться. О прошедшем пытались не вспоминать. Но ближе к утру к вчерашнему факту «незапланированной встречи» все равно пришлось вернуться, Александр вынужден был уточнить несколько не совсем ясных для него событий. Неохотно, будто отвечая на вопросы надоедливого экзаменатора, Люда «расшифровала» некоторые реплики Привалова. В частности, причину их натянутых отношений с прокурором, основанных вовсе не на ссоре из-за нее, Людмилы, на которую Арсен давно уже «положил глаз», а Привалова это злило. Но злился-то он так бурно и безрезультатно, – и это уже не раз замечала Людмила, – будто на самом деле был бы даже доволен, если бы притязания прокурора Микитова достигли наконец цели. Ну, то есть, не я, мол, тебя ему подсунул, а это ты сама дала своему начальнику, ах ты, такая-сякая-разэтакая! Ну, и пошла-поехала потом по рукам!.. А если, мол, не дашь, тогда твоему папаше-следователю станет трудно жить. Такие сволочи!

А по поводу счетов? Он однажды не удержался, похвастался, что имеет свой счет в Цюрихе, какой-то там банк, названия он не уточнял, просто сказал. Отсюда и уверенность в завтрашнем дне. Это если он «пролетит» с Москвой, на которую очень рассчитывает. А чего ему там надо, не говорил, просто заметил, что жизнь в столице могла бы в корне изменить его общественный статус, а вместе с ним и семейное положение. Он имел в виду брак с Людмилой. Или, может быть, свое обещание жениться на ней, когда сам утвердится на новом месте. И дружба с генералом Грязновым почему-то, по его мнению, была для него своеобразным «вездеходом» в московской жизни.

В общем, сидение в шкафу оказалось не напрасным. С таким выводом, полагал Турецкий, Славка обязательно согласился бы, даже несмотря на то, что в его отношениях с Дусей, возможно, и возникла бы в этой связи некоторая напряженность. Но та, как теперь убедился Александр Борисович, была не в курсе той роли, которую ей предложил, а по сути, навязал, «родственничек». Пожалуй, только это ее и оправдывает…

Впрочем, почему ей нужны какие-то оправдания? И Турецкий понимал, что ему придется теперь искренне защищать Евдокию от напрасных подозрений, потому что скрыть правду от Грязнова он не сможет. Дело того требовало. Но Александр Борисович не мог забыть слезы, которые так и хлынули из Дусиных глаз, когда она прочитала послание Славки, а слезы, как известно, врут редко, для этого нужен великий артистизм, совсем не свойственный этой женщине, – тут Турецкий был твердо уверен. Да и Зина – чистая душа – подтвердила, что ее подруга отродясь подлости в себе не держала, а уж Зинке-то можно было верить.

«Ох, мама родная, а ведь совсем запутался наш мальчонка!», – размышлял, как о постороннем, Турецкий, покидая гостеприимный – во всех отношениях – дом, в котором даже платяные шкафы по-своему гостеприимны, однако, на всякий случай, оглядываясь. Этот милицейский монстр вполне мог оставить где-нибудь своего «топтуна», – он же собирает сведения о своей любовнице. А теперь, значит, и за москвичом слежку установил? Впрочем, этого и следовало ожидать, странно только, что Привалов так долго ждал. Интересно, где находится сейчас тот наблюдатель, если он действительно есть? Ну, ничего, пусть теперь поищут в станице Ивановской, а в «официальной» Астрахани, то есть у «высокого начальства», в ближайшие дни Александру Борисовичу делать было пока нечего.

Но зато крайне необходимо встретиться лично, а не с помощью того же «помощника» в генеральском мундире, с двумя экспертами, которые работали в Ивановской «на трупах». А те проживали в Замотаевке, и адреса их для «Сашеньки» достала, естественно, Людка. Она отыскала дома записи своего отца по тому уголовному делу, которое отец вторично расследовал, «залезла» в них и оттуда выписала. Вот ведь на какие ухищрения и жертвы идет женщина, чтобы завладеть мужчиной, на которого она «положила глаз». Это ее слова, между прочим: «Положила – и все!» Что положила, это уже он сам додумывал вслух, лежа рядом с утомленной красоткой, высокая грудь которой прерывисто вздымалась от пережитых волнений. Под утро дело было, когда он уже уходить собрался, а она все не желала его отпускать и всячески тянула с расставанием. Даже оповестила о своем желании навестить его в выходные прямо в той станице, но он постарался снять эту проблему, которая могла запросто стать для него жизненно опасной…

Дусин дом все еще, казалось, хранил тепло хозяйки. Уют, порядок, чистота, даже пыль не успела покрыть блестящие поверхности стола и шкафа, а пыль здесь – это не то слово, – крупная, зернистая, песчаная, ясное дело – пески кругом, пыльные бури. Даже хлеб иной раз на зубах скрипит. А тут, в доме, – чисто, и запах каких-то степных трав, которые хозяйка развешивала по углам большой комнаты, – горьковатый, терпкий, даже немного тревожный – наверняка полынь или чабрец. Развлекаясь здесь в прошлый раз с Зиной, Турецкий меньше всего обращал внимание на запахи, царившие в доме, а теперь, в одиночестве, вдруг оценил. И подумал, как хорошо, что есть такие вот оазисы посреди бесконечной мерзости, предательств, крови и воровства. Гнусен мир, сделал он вывод и подумал, что сейчас самое время немного вздремнуть, чтобы избавить себя от ненужных эмоций и настроиться снова на рабочую тональность, прерванную его же собственными приключениями. Нет, Бог, конечно, милует его, значит, возможно, и есть еще за что, потому что ситуация чуть было не стала, что называется, критической, «крайней». Он бы сумел в конце концов выпутаться, постаравшись свести ситуацию к шутке, к веселому розыгрышу, «разрулить» ее, как выражаются теперь уже не только уголовники, но и политики. Ну, напрягся бы немного, уличив и генерала в неэтичном отношении к женщине. Тот бы прекрасно понял, что обострение отношений с Турецким ему самому в высшей степени невыгодно: могла бы разрушиться в одночасье выстроенная генералом пирамида «московских возможностей», а заодно и красивые планы дальнейшей фривольной жизни с Людмилой Васильевной за границей. Конечно, было чем рисковать, и, скорее всего, конфузная ситуация закончилась бы распитием бутылки и «дружеским замирением» – на время, разумеется.

Но мог бы, понимал Турецкий, случиться и другой финал: случайная машина на дороге или нападение хулиганов с ножами, найти которых, к сожалению, так и не удалось. И тогда осталось бы местной власти лишь одно: с глубоким прискорбием сообщить коллегам и семье покойного в Москве о безвременной кончине их горячо любимого и уважаемого… Вся Астрахань нынче скорбит!

Ладно, пока угроза «косой», если та уже успела приготовить орудие своей мести, миновала, но надо быть осторожнее. И необходимо сосредоточиться, потому что некоторые новые факты, выловленные Турецким из материалов следствия и обвинения, требовали тщательной перепроверки. Самая, что ни на есть, оперативная работа. Причем следовало иметь в виду, что контроль над его розысками с этого утра наверняка будет многократно усилен. И, значит, чтоб не подставлять свидетелей, а также убедить их в том, что показания не станут представлять для них опасность, придется действовать вдвойне осторожно и категорически не афишировать своего внимания к некоторым из них. Это в первую очередь касалось экспертов – судебно-медицинского, трудившегося в замотаевской районной клинике, и криминалиста – из районного отдела внутренних дел. Но если с первым можно будет попробовать состыковаться с помощью Зины, – у «медицины» свои внутренние взаимоотношения, – то со вторым, конечно, придется

действовать посложнее и поосторожнее. Да и похитрее. Надо будет найти к эксперту-криминалисту тонкий подход, чтоб уговорить того сказать правду, поскольку в обоих обвинительных заключениях некоторые факты немного, почти незаметно, противоречили друг другу. Методом умолчания действовала прокуратура, полагая, что никто сравнивать заключения экспертов и делать выводы не захочет. А в них-то как раз – и решение проблемы. «Нашли, с кем в покер садиться!» – самодовольно подумал Александр Борисович, обнаруживший мелкий, почти незаметный подлог. Вот на нем-то и можно будет построить другой дом – истинной правды…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.